

Научная статья
УДК 81-114.2
doi: 10.17223/15617793/515/2

Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке

Мария Ивановна Киосе^{1, 2}, Ольга Николаевна Прокофьева³, Евгения Евгеньевна Смирнова⁴

^{1, 3, 4} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

² Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

^{1, 2} maria_kiose@mail.ru

³ olviaprok@gmail.com

⁴ eva.buddaeva@gmail.com

Аннотация. Устанавливаются особенности функционирования интенсивности в устном экспозиторном диалоге на русском языке. Интенсивность рассматривается как когнитивная категория, содержание которой представлено в эпистемологическом, онтологическом и семиотическом измерениях. Результаты позволили противопоставить предметные и непроцессуальные объекты интенсификации, с одной стороны, и процессуальные объекты, с другой стороны, демонстрирующие разные возможности в реализации степени интенсификации.

Ключевые слова: интенсивность, когнитивная категория, степень интенсификации, основание интенсификации, объект интенсификации, устная речь, спонтанный диалог, экспозитив

Источник финансирования: исследование подготовлено в рамках реализации проекта РНФ № 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

Для цитирования: Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 14–24. doi: 10.17223/15617793/515/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/2

The category of intensity and its manifestation in Russian spoken expository dialogue

Maria I. Kiose^{1, 2}, Olga N. Prokofieva³, Evgenia E. Smirnova⁴

^{1, 3, 4} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} maria_kiose@mail.ru

³ olviaprok@gmail.com

⁴ eva.buddaeva@gmail.com

Abstract. The present article focuses on the structure and functioning of the category of intensity in Russian expository dialogues as well as a new three-dimensional approach to its study as a *modus* category in cognitive linguistics. The research data comprise about three hours of video recordings of 20 participants as the speakers dwell upon a series of questions on the topic of AI in a specifically designed experiment setting. The collected speech was automatically recognised, transcribed, assigned to speakers, and segmented by the automated speech-to-text (transcription) tool Whisper integrated into ELAN. The upcoming analysis was conducted on the verbal markers of intensity singled out within it. Mainly expository (explanatory) by its nature, including multiple cases of authentic turn taking, explicit evaluation and personal opinion manifestation, the data set proved to be rich in the samples of interest and provided 1072 cases of intensity. We regarded intensity as a cognitive category that could be described within three dimensions, epistemological, ontological and semiotic. The dimensions served as three vectors for more detailed qualitative and quantitative (including Wilcoxon and Student's tests) analyses of intensity cases. Each dimension possessed a unique set of classification features. Among the epistemological features, we opted for the basic degree of intensity (high, medium, and low) and conceptual representation of intensity describing the cohesion between the meaning of quantity and quality, where even if the former stayed the main meaning of the verbal marker, it was tightly linked with the latter. The spontaneous dialogues under analysis demonstrated the prevalence of high-intensity cases (64%), while quantity and quality proved to be merged in 40% of cases, most of which adhered to low or middle degree of intensity. Meanwhile, the ontological dimension of intensity explored the type of the object modified by intensity as well as the degree of intensity. The predominant objects were non-procedural (commonly manifesting unstable qualities) and substantive ones, 40% and 32% respectively, both mainly used with intensifiers of high degree, whereas procedural objects (commonly manifesting actions) were less frequent in the data and were often employed with intensifiers of

high and low degree. Thus, the research resulted in the juxtaposition of substantive and non-procedural features of situation components, on the one hand, and procedural features, on the other hand, in terms of their intensity potential. As for the semiotic dimension, we differentiated between the cases, where intensity was verbalised as a single significant meaning, and where it appeared in context only. Whereas the former would be a more typical case, the relative abundance of the latter (38%) illustrated the speakers' expressivity and creativity in spontaneous expository dialogues. Overall, the results helped identify the epistemological, ontological and semiotic potential of the category of intensity expressed in the specificity of its qualitative and quantitative relations as well as its relevance to different situation components.

Keywords: intensity, cognitive category, intensity degree, conceptual representation of intensity, object of intensification, spoken discourse, spontaneous dialogue, expository discourse

Financial support: The study was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project No. 24-18-00587 "The role of recurrent gestures in different languages: sociocognitive foundations of polymodal positioning", implemented at Moscow State Linguistic University.

For citation: Kiose, M.I., Prokofieva, O.N. & Smirnova, E.E. (2025) The category of intensity and its manifestation in Russian spoken expository dialogue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 14–24. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/2

Введение

В настоящей работе рассматриваются особенности реализации категории интенсивности в устном экспозитивном (пояснительном) диалоге в спонтанной коммуникации носителей русского языка. В самом общем виде интенсивность выступает «количественной мерой оценки качества, мерой экспликативности, показателем содержания коммуникации» [1. С. 7], «усиливающей оценочность высказываний» [2], т.е. она демонстрирует тесную связь с другими категориями – оценкой (оценочностью) и градуальностью [3]. Как языковая категория интенсивность изучалась в контексте ее оценочных значений. Так, в работе Р. Мразека [4] классифицированы средства реализации и некоторые значения категории, например значение характера действия (ср. «оттенок интенсивного, внезапного наступления действия», «своевольно, беспрестанно осуществляемое действие», «экспрессивность в смысле длительности действия»). Последующие отечественные исследования в большей степени были сосредоточены на функциях языковых средств интенсивности, как коммуникативов и как дискурсивных слов [5], а также на критериях их разграничения [6, 7]. Как коммуникативы такие слова и выражения обычно толкуются через указание на тип речевого акта и характер эмоции; как дискурсивные слова – в качестве демонстрирующих указательных, выделительных, усилительных, анафорических и иных функций [5]. Таким образом, особенности интенсификации в принципе могут определяться с опорой на лексическое, дискурсивное и коммуникативное значение слов и выражений. Однако методы, используемые для разграничения дискурсивных и коммуникативных значений слов, не всегда применимы для анализа спонтанной речи, также они не позволяют установить степень интенсификации.

Хотя для разграничения коммуникативных значений дискурсивных слов часто используется просодический критерий [6], в частности при разграничении акцентированных и неакцентированных употреблений слов [7]; например, применительно к разграничению *вот* (оно не является интенсификатором, но, как и интенсификатор, может демонстрировать описанные

особенности употребления) в функции дискурсивного и указательного слова этот способ не будет результативным для определения высокой и низкой степени интенсивности в оценке объектов, потому что и в значении высокой, и в значении низкой степени интенсивности слова могут быть акцентными. Также степень интенсификации может варьироваться в зависимости от того, что является объектом интенсифицирующей оценки [8], а таких объектов в рамках конструируемой ситуации может быть несколько. Это объясняет случаи, когда одно и то же слово, соотносясь с разными объектами в составе ситуации коммуникации, будет представлять оценку этих объектов с разной степенью интенсивности. Высказанное наблюдение согласуется с положениями работ, в которых разграничиваются интенсивность в реализации языковой и когнитивной семантики [2], где второй случай описывает проявления интенсивности в конструировании ситуации коммуникации.

Методологическое решение проблемы анализа интенсивности в спонтанной коммуникации мы усматриваем в исследовании интенсивности как когнитивной категории [9], способной проявляться в трех измерениях: эпистемологическом, онтологическом и семиотическом [10]; соответственно, особенности реализации данной категории могут быть обнаружены в каждом из этих измерений. Так, эпистемологическое (собственно когнитивное) измерение категории описывает концептуальные характеристики объектов интенсификации (интенсифицирующей оценки), а именно степень и основание интенсификации; онтологическое измерение определяет референтные характеристики категории, описываемые типами объектов интенсификации, по отношению к которым она реализуется; семиотическое (лингвистическое) измерение устанавливает типы интенсифицирующих значений в средствах реализации категории. На настоящий момент состав и особенности проявления интенсивности в составе этих трех измерений не были изучены, при этом с применением описанного подхода были подвергнуты анализу многие другие языковые явления в когнитивных позициях, например, отглагольное наименование [11], окказиональная метафоризация [12], многозначность (полисемия) [13], фразеологизация [14], не прямое наименование [15] и др. Предположительно, с привлечением

когнитивных методов анализа категорий [9, 10–12] возможности исследования категориальных значений, в том числе и в отношении категории интенсивности [2, 16–18], могут быть значительно расширены. Важно отметить, что анализ особенностей реализации категории интенсивности в трех измерениях позволяет установить не только значения категории и средства ее реализации в языке, но и особенности конструирования ситуации, компоненты которой подвергаются интенсификации, что обусловлено модусным статусом данной категории. Модусные категории, как пишет Н.Н. Болдырев, «не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единый формат знания» [19. С. 138]; это дополнительно обосновывает необходимость привлечения анализа эпистемологического и онтологического измерений интенсивности.

Особый интерес в этом смысле представляет изучение спонтанной коммуникации, так как в ней проявляется варьирование в конструировании ситуации и, соответственно, варьирование в категориальном проявлении интенсивности. В настоящей работе предпринимается попытка применить разработанную методику анализа категории в трех ее измерениях к анализу записи спонтанных диалогов экспозиторного (пояснительного) характера, в которых обнаружены множественные случаи реализации интенсивности. Предположительно, такой подход укажет на особенности реализации интенсивности, позволяющие описать ее потенциал в эпистемологическом, онтологическом и семиотическом измерениях, а также установить ее специфические характеристики в устной спонтанной коммуникации экспозиторного типа с учетом ее коммуникативной и дискурсивной природы.

Методология исследования

При разработке методологии исследования мы опираемся на работы, посвященные структуре и функционированию когнитивных категорий в языке и модусных категорий в частности. Категории вслед за Н.Н. Болдыревым в данной работе определяются как «классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками, которые приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» [20. С. 8]. Реализация интенсивности (иначе – интенсифицирующей оценки) как модусной категории связана с проявлением количественного признака в отношении некоторого качества. В отличие от грамматической категории, она не имеет прототипической структуры, а в отличие от лексической – лишена отношений семейного сходства. Как указано в [20. С. 7], «структурная специфика модусной категории зависит от структуры самой функции, ее дискретизации», в нашем случае структура категории определяется существованием ее категориальных значений, описывающих объект интенсификации, основание интенсификации (по аналогии со

структурой категории оценки [8]), степень интенсификации, а также интенсифицирующих значений в языковой семантике. Интенсифицирующие значения в языке могут быть выражены морфологическими и лексическими средствами, такими как наречия, местоимения и прилагательные со значением степени типа *чрезвычайно, очень, весь, полный, высший, никто, сильно, много*, словами разных частей речи с оценочной окраской, степень выраженности которой определяет оценку как крайне (полярно) интенсивную или неинтенсивную в *радикально, полноценный, прекрасно, супер-мега-гига задачи, жиденько*, выражениями типа *десятый-пятый раз, самые-самые базовые функции, только-только реализуемые*.

При изучении содержания категории мы считаем возможным разграничивать три аспекта ее функционирования вслед за Е.С. Кубряковой: когнитивный, описывающий концептуальные характеристики, которые она реализует; семиотический, который определяет референтные свойства категории; лингвистический, реализующийся в специфике соотношения языковой формы в категории с фиксированным содержанием [21. С. 17–18]. Сходные замечания о структуре категорий находим в работах Н.Н. Болдырева (разграничиваются интерпретирующий, репрезентативный, семиотический аспекты) [9], О.К. Ирисхановой (разграничиваются эпистемологическое, онтологическое и семиотическое измерения) [12], М.И. Кюсе (разграничиваются отношения концептуализации, референции и языковой репрезентации) [15]. В настоящей работе для анализа трех указанных аспектов мы воспользуемся терминами, предложенными в работе [12], как наиболее обобщенными и, соответственно, опишем эпистемологическое (особенности реализации степени и основания интенсификации), онтологическое (особенности конструирования объектов интенсификации) и семиотическое (особенности реализации интенсифицирующих значений в языке) измерения категории.

Ввиду того что в языке интенсивность выражается лексико-морфологическими средствами, содержание категории представляется возможным описать с опорой на положения когнитивной концепции частей речи, предложенной Е.С. Кубряковой. Выделяются такие свойства знаменательных частей речи, как предметность и признаковость в процессуальности (глагольности, реализующей семантику собственно процесса, действия, состояния и отношения) и непроцессуальности (атрибутивности, реализующей семантику стабильной и нестабильной атрибутивности) [10. С. 247–249]. Такая структура предполагает иерархию, где «самой онтологичной оказывается категория предметности, а при делении категории признаковости на категории процессуальных и непроцессуальных признаков более высокое место в иерархии займут признаки стабильные» [10. С. 250]. Описанное разграничение предопределяет существование разных типов объектов интенсификации, а именно объектов предметного, процессуального и непроцессуального типа. Однако объектами оценки в принципе могут выступать и компоненты ситуации, не представленные «полно-

значными частями речи» [10. 247], но реализующие семантику количественности; такие случаи будут установлены в настоящей работе. Основанием интенсифицирующей оценки объектов будут, соответственно, их качественные и количественные характеристики, а степень интенсификации – уровень экспликации этих характеристик. Таким образом, интенсивность в настоящей работе выступает модусной когнитивной категорией, концептуальное содержание которой определяется степенью выраженности количественно-качественных характеристик при конструировании объектов интенсификации, а языковое содержание – особенностями реализации интенсифицирующих значений в языке.

Материал и процедура анализа

Эмпирическим материалом для анализа особенностей реализации категории интенсивности стали записанные спонтанные диалоги общей длительностью около 3 часов (171 минута) с участием 20 говорящих (средний возраст – 25 лет), обсуждающих вопросы функционирования искусственного интеллекта. Данный тип коммуникации носит характер экспозитивного (пояснительного) дискурса [22]; для него характерны чередование коммуникативных ходов (запроса информации, развития темы и ответа-реакции), высокая степень проявления нечеткой референции, экспли-

кация оценочности и личного мнения, установка на достижение общей позиции [23, 24]. Перечисленные характеристики пояснительного дискурса обуславливают в целом высокую вероятность проявления категории интенсивности, реализующуюся как в продвижении своей, так и в достижении общей позиции в диалоге. Участники располагались лицом друг к другу (под небольшим углом); велась запись их речевого поведения, которое далее было подвергнуто автоматической транскрипции и сегментации (Whisper). Речь левого и правого участников была далее аннотирована в корпус-менеджере ELAN, где проведена разметка всех случаев использования интенсивности в составе элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), в качестве которых рассматривались клаузы, при этом учитывалась роль как синтаксического критерия, так и просодического (паузации) [7].

Так, на рис. 1 приведен фрагмент речи *чтобы точно определить уже, точно разграничивать эти эмоции, да, человеку все-таки нужно реальное общение*, который включает ряд ЭДЕ: *чтобы точно определить уже / точно разграничивать эти эмоции / да / человеку все-таки нужно реальное общение*.

При произнесении первой и второй ЭДЕ говорящий использует слово-интенсификатор *точно*, которое определяется в эпистемологическом измерении как слово, реализующее высокую степень выраженности качества. Рассмотрим иной пример (рис. 2).

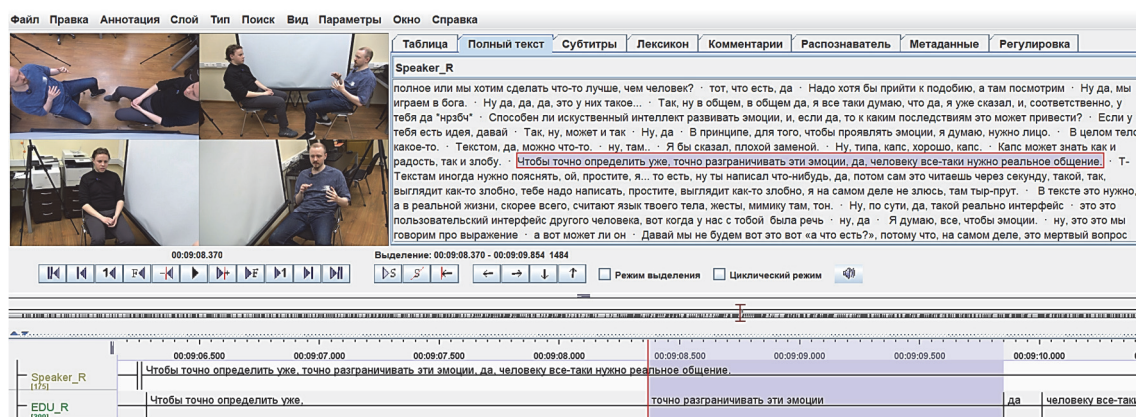


Рис. 1. Разметка случаев интенсивности в ЭДЕ. Интенсификатор *точно*

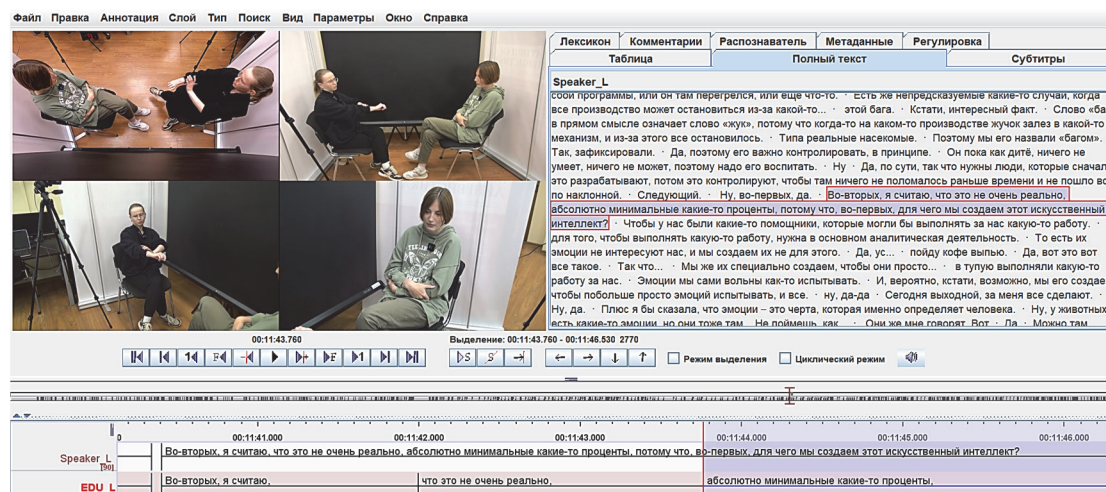


Рис. 2. Разметка случаев интенсивности в ЭДЕ. Интенсификатор *абсолютно минимальные*

На рис. 2 приведен фрагмент речи *во-вторых, я считаю, что это не очень реально, абсолютно минимальные какие-то проценты, потому что, во-первых, для чего мы создаем этот искусственный интеллект?*, который включает ряд ЭДЕ: *во-вторых, я считаю / что это не очень реально / абсолютно минимальные какие-то проценты / потому что, во-первых, для чего мы создаем этот искусственный интеллект*. При произнесении второй ЭДЕ говорящий использует интенсификатор *не очень* (реально); при произнесении третьей – *абсолютно минимальные*, которые определяются в эпистемологическом измерении как слова и выражения, реализующие низкую степень выраженности качества. Отметим, что выражение *абсолютно минимальные* содержит слово *абсолютно*, которое в изолированной позиции рассматривается как представляющее высокую степень интенсивности; однако в составе выражения формируется общее значение высокой степени реализации низкой степени интенсивности, поэтому данное и подобные употребления размечаются как демонстрирующие низкую степень выраженности качества с опорой на семантику ключевого слова в выражении.

Случаи использования интенсивности были размечены на предмет особенностей реализации интенсивности с учетом трех ее измерений. Аннотирование проведено тремя кодировщиками (авторами настоящей статьи) в два этапа: 1) разметка каждой записи одним кодировщиком; 2) корректировка разметки каждой записи тремя кодировщиками.

Для разметки использовался следующий **набор параметров**, описывающих возможность реализации трех измерений интенсивности. Так, эпистемологическое измерение представлено: 1) степенью интенсификации, определяемой количественной степенью выраженности некоторого качества (Э1); 2) основанием интенсификации, определяемым спаянностью значений количества и качества (Э2). Онтологическое измерение описывает типы объектов интенсификации (О1). Семиотическое измерение интенсивности представлено особенностями реализации интенсифицирующего значения в словах-интенсификаторах (С1). Разметка проходила с привлечением следующих параметров: Э1.1 – «высокая степень интенсивности», Э1.2 – «средняя степень интенсивности», Э1.3 – «низкая степень интенсивности»; Э2.1 – «только количество», Э2.2 – «количество и качество»; О1.1 – «предметный объект», О1.2 – «процессуальный объект», О1.3 – «непроцессуальный объект», О1.4 – «объект-количество»; С1.1 – «основное значение слова», С1.2 – «контекстуально обусловленное значение слова».

При проведении разметки кодировщики ориентировались как на состав собранных в ходе первичной разметки записей **маркеров**, так и на их контекстуально обусловленные значения.

В **эпистемологическом измерении** маркерами высокой степени интенсивности (Э1.1) являются слова *очень, совсем, самый, точно, супер, классный*, указания на множественность и размер компонентов ситуации в *все, всегда, много, целые*, восклицательные конструкции типа *такая прекрасная память! столько*

книг! и эмоционально окрашенные экспрессивные слова и выражения, нередко отличающиеся сниженным и разговорным стилем, как в *поедет крыша, расфигачит, отвратительно, склепали, ужас, бестолковый*. Средняя степень интенсивности (Э1.2) выражена 1) сравнением атрибутов, процессов, предметов по степени интенсивности в выраженности их непроцессуальных, процессуальных, предметных и количественных свойств (в *лучше, интереснее*); 2) введением значения неопределенности и/или неопределенности (в *достаточно, вполне*), указывающего на размытость степени интенсивности, т.е. на невозможность определения ее полюса (высокого или низкого). Низкая степень интенсивности (Э1.3) определяется при присутствии маркеров *немножко, как минимум, просто, не очень, никто*. Выражение только семантики количественности (Э2.1) обнаруживаем в маркерах *очень, ничего, минимальный, много, никакой, никого, супер, больше, все, меньше, только, намного, всегда, любой, многие, только* и др. Проявление семантики количественности и качественности (Э2.2) находим в примерах с маркерами *полноценный* (в ЭДЕ *что будут / будет испытывать полноценный спектр эмоций*), *совершенно / совершенный* (в ЭДЕ *поэтому мы уже уходим в совершенно другие дебри*), *поистине* (в ЭДЕ *что это какая-то возможность делать что-то поистине новое*), *окончательно/окончательный* (в ЭДЕ *что прямо окончательного уничтожения я не могу себе представить под воздействием развития искусственного интеллекта*), *радикально/радикальный* (в ЭДЕ *какие-то радикальные изменения человечества однозначно будут*), *сильно* (в ЭДЕ *то есть разделить сильно общество на тех*) и др., а также в тех ситуациях, когда все выражение с маркером интенсификации приобретает дополнительный оценочный характер, как в *слишком расплывчатая* (формирование отрицательной оценки с помощью интенсификации признака ‘расплывчатый характер’), *дай Бог, с кнопчатыми телефонами*, др.

В **онтологическом измерении** маркерами типов объектов интенсифицирующей оценки (О1), иначе – таких компонентов ситуации, концептуальное значение которых (предметное, процессуальное, непроцессуальное, количественное) подвергается интенсификации под влиянием семантики интенсифицирующего слова или выражения, становятся слова со значением предметного характера (О1.1), например, *мы, человек, задача, текст, проблема, вопрос, фильм, работа, ошибка*, процессуального характера (О1.2), например действия, например, *изучать, делать, считать, разрабатывать, говорить, давать, проверять, взламывать* и др. и собственно процессы, например, *знать, предполагать, вспомнить, помнить, думать, глядеть* и др., непроцессуального характера (О1.3), иллюстрирующие нестабильные признаки (по: [10]), например, *интересный, быстрый, сложный, главный, популярный, маленький, хороший* и др. и стабильные признаки, например, *философский* (вопрос), *кнопчатый* (телефон), *текстовый* (паттерн). В некоторых случаях разграничение стабильных и нестабильных признаков затруднено, например, в метафорических употреблениях выражений типа *деревянный (голос)*; также затруднено

разграничение типов процессуальных значений, которые во многих, но не во всех случаях, могут быть установлены с опорой на грамматические значения слов в устной спонтанной речи. По этой причине в работе не рассматриваются частные типы этих значений. Важно отметить, что частотна одновременная реализация нескольких характеристик, как в *супер-кибер-оборудовано*, где в одном выражении актуализируется компоненты ситуации с процессуальными и непроцессуальными характеристиками. Дополнительно были выделены маркеры объектов количественного типа (О1.4), это, например, *много, мало, год, секунда* (в двух крайних случаях одновременно представлены объекты количественного и предметного типа) и др.

В **семиотическом измерении** маркерами интенсифицирующего значения как основного значения слова (С1.1) служат, например, слова *достаточно, весь* (в *все знаки*); использование сравнительной степени прилагательных, например, *хуже* концептуализируется как ‘более + плохой’, *больше* – как ‘более + много’, *главнее* – как ‘более + главный’; употребления слов или выражений, имеющих эмоциональную окраску или использующихся в разговорном стиле, например, *куча мусора* – как ‘очень много мусора’, *экстренная ситуация* – как ‘очень непредвиденная ситуация’, *катастрофа* – как ‘очень трагический случай’, *покайфовал* – как ‘получил очень большое удовольствие’, *расфигачит* – как ‘сильно разрушит’. Маркерами интенсифицирующего значения как контекстуально обусловленного (С1.2) являются слова в составе выражений, где данное значение обусловлено общим содержанием высказывания, например, в *повредился он просто или умер – умер* в данном случае служит контекстуальным антонимом *просто повредился* и транслирует таким образом значение ‘окончательно вышел из строя’, где *окончательно* определяется как интенсификатор.

Проиллюстрируем **процедуру** установления степени интенсификации на примере ЭДЕ *И если правильно научить модель ИИ воспринимать все подобные тексты* в составе фразы *Если правильно научить модель ИИ воспринимать все подобные тексты / она должна их как раз не нарушать те моральные основания / которые в нее закладываются / и как-то перерабатывать эти тексты*. ЭДЕ содержит определительное местоимение *все*, в ед. ч. *весь*, которое определяется как имеющее значение *весь 1* ‘без исключения или целиком’, ср.: *Все мои друзья давно за границей; Весь день ушел на беготню по магазинам*, использующееся с обозначениями совокупностей, физических и пространственных объектов, ресурсов и расходуемых средств, временных интервалов, некоторых ситуаций и свойств [25. С. 85]. Данное употребление реализует конструкцию первого типа (может располагаться перед актантом и просодически к нему относиться) и используется для обозначения совокупности объектов (текстов), находящихся в пределе границ подобия. Это значение не обозначено как демонстрирующее интенсивность в отличие от значения *весь 3.2* ‘с максимальной интенсивностью’, ср. в *от всей души; бежать со всех ног*. Однако интерпретация значения данного

слова в составе ЭДЕ применительно к конструированию ситуации позволяет сделать иной вывод. Оценке подвергается характер препятствия, связанный с восприятием текстов определенного типа (необходимость обучения как преодоления этого препятствия), при этом подчеркивается, что трудность соотносится с восприятием всех без исключения объектов этого типа; соответственно, в данном случае тоже идет речь о демонстрации интенсивности, но не при оценке действия (ср. *весь 3.2*), а при оценке признака объектов (высокая степень).

Рассмотрим иной пример. В ЭДЕ *который нас превзойдет* в составе фразы *Ну да / а чтобы сделать ИИ / который нас превзойдет / нам нужно сперва самих себя превзойти* обнаруживаем слово *превзойдет* (исх. – превосходить), которое имеет дефиниции ‘быть больше кого-л. в каком-л. отношении’, ‘быть больше в количественном отношении’ [26], т.е. семантика интенсивности определяется в основном значении слова. Дальнейший анализ позволяет установить, что оценке подвергается траектория действия (движение по траектории вверх). При этом есть только три оцениваемые величины – «наши умения и знания», «умения и знания, превышающие наши», «умения и знания ниже наших», и в данном примере речь идет о полюсе со значением максимально возможного в контексте ситуации, поэтому наблюдаем высокую степень интенсификации в оценке самого действия.

Полученные данные были обработаны с применением процедур описательной статистики для анализа распределения особенностей реализации категории интенсивности в трех ее измерениях, также были получены данные аналитической статистики для установления возможных значимых различий в их реализации в устном спонтанном пояснительном диалоге.

Результаты исследования

В собранном материале было обнаружено 5 883 ЭДЕ, содержащих 1 072 случая реализации интенсивности (т.е. маркеры интенсивности содержались в 1 072 ЭДЕ с общим количеством слов, равным 7 066, общим количеством знаков с пробелами, равным 43 934), диапазон их варьирования в речи участников составил от 29 до 115. Маркеры интенсивности встречаются как по отдельности, так и кластерами от 2 до 4 элементов в рамках одной клаузы, как, например, в выражении *супер-пупер-мега-гига задачи*. Рассмотрим особенности реализации каждого из трех измерений интенсивности.

Эпистемологическое измерение подвергалось анализу в аспекте степени интенсификации (Э1.1–Э1.3) и основания интенсификации (Э2.1–Э2.2). Представим значения данных характеристик с учетом индивидуальных проявлений в речи участников в табл. 1.

Результаты показали, что в речи участников преобладает выражение высокой степени интенсивности (Э1.1), составившей 64% всех случаев. Она превалирует как в общей базе данных, так и у каждого говорящего. Доля использований низкой и средней степени интенсивности различалась в отличие от стабильно

превалирующей доли маркеров высокой степени интенсивности. Случаи реализации средней степени интенсивности составили 14%. 22% случаев интенсивности характеризовались противоположным «полюсом»,

низким. Таким образом, спонтанная речь участников отличается «полюсностью», категоричностью, при этом преобладает тяготение к полюсу высокой интенсивности.

Таблица 1

Распределение индивидуальных показателей в эпистемологическом измерении интенсивности

Показатель	Э1.1	Э1.2	Э1.3	Э2.1	Э2.2
Среднее	34.7	7.6	11.8	32.5	21.6
Медиана	35.5	6	10.5	30	19.5
Стандартное отклонение	12.9	5.38	6.86	12.1	10.5
Минимум	16	2	2	19	8
Максимум	75	18	26	73	43

В отношении реализации основания интенсификации укажем, что в рассматриваемом материале количество примеров, характеризующихся степенью спаянности характеристик количества и качества (Э2.2), составило 40% (от 32 до 76% в речи каждого участника), из них 18% при высокой, 6% при средней и 16% при низкой степени интенсивности. При этом 74% всех случаев использования низкой степени интенсивности, 44% случаев средней степени и 27% случаев высокой степени обнаруживают спаянность характеристик количества и качества. Эти результаты указывают на то, что, несмотря на свою общую частотность, маркеры высокой степени интенсивности демонстрируют большую однозначность и «чистую количественность», в то время как менее частотные маркеры средней и, особенно, низкой степени интенсивности служат для привнесения не только количественной, но и качественной оценки.

Онтологическое измерение интенсификации представлено распределением типов объектов интенсификации. Анализ показал, что для установления количества возможных объектов интенсификации могут использоваться несколько критериев: 1) семантический, который позволяет определить объект интенсификации с опорой на контекстуальную семантику выражения в ситуации; 2) синтаксический, который учитывает состав предикативной или номинативной групп с включенным словом со значением интенсификации (если таких слов несколько, то и объектов интенсификации несколько); 3) акцентный, который указывает на выделенное в контексте слово, к которому с большей степенью вероятности относится значение интенсификации; 4) лексико-морфологический, который позволяет определить объект интенсификации как реализующийся в рамках одного слова или в рамках двух слов с опорой на лексико-морфологическую функцию слова (например, различия в *весь* (в *весь дом*) как местоименного прилагательного и *все* (в *все ушли*) как местоименного существительного). С опорой на эти критерии в некоторых случаях можно установить первичный и вторичный объекты интенсификации. Так, в *просто это действительно философская проблема* значение интенсификации в *просто* может снижать степень проявления предметной характеристики в *это*, признаковой (одновременно непроцессуальной и процессуальной) характеристики – в *действительно*, непроцессуальной стабильной характеристики – в *философская*, предметной и одновременно непроцессуальной

характеристик – в *проблема*. С опорой на акцентный критерий определяется первичный объект интенсификации – это одновременно действие и степень его интенсивности, реализуемые словом *действительно*. При этом компоненты ситуации, представленные словами *это*, *философская* и *проблема*, также являются объектами интенсификации, но вторичными. Приведем данные, описывающие распределение объектов интенсификации в речи участников (табл. 2).

Таблица 2

Распределение индивидуальных показателей в онтологическом измерении интенсивности

Показатель	О1.1	О1.2	О1.3	О1.4
Среднее	21	13,8	26,1	5,15
Медиана	22	13	22,5	3
Стандартное отклонение	8,21	6,91	12,1	4,45
Минимум	8	1	12	0
Максимум	38	29	54	15

Чаще всего в качестве объектов интенсификации выступают компоненты ситуации непроцессуального характера (О1.3), составившие 520 случаев (40%), несколько реже – предметного (О1.1), составившие 420 случаев (32%) и еще реже – процессуального (О1.2), составившие 271 случай (21%). Компоненты ситуации количественного типа (О1.4) встретились в 103 случаях (7%). При этом (с опорой на различия в среднем и медианном значениях) наблюдаются более значительные индивидуальные различия в использовании объектов непроцессуального и количественного типов.

Помимо общего распределения объектов интенсификации в дискурсе интерес представляет и их использование с маркерами высокой и низкой степени интенсификации (как «полюсными»). В табл. 3 приведены данные, описывающие распределение индивидуальных случаев использования объектов интенсификации трех типов (как наиболее частотных) с маркерами высокой и низкой степени интенсификации.

Таблица 3

Распределение случаев использования объектов интенсификации трех типов с маркерами интенсивности

Показатель	О1.1 с Э1.1	О1.1 с Э1.3	О1.2 с Э1.1	О1.2 с Э1.3	О1.3 с Э1.1	О1.3 с Э1.3
Среднее	15,7	4,2	7	5,75	15,8	3,25
Медиана	15,5	4	6,5	5	15,5	3
Стандартное отклонение	6,65	3,04	4,78	3,85	7,23	1,92
Минимум	7	1	0	0	5	1
Максимум	31	11	18	13	31	7

Для проверки наличия значимых различий в использовании объектов интенсификации трех типов с маркерами высокой и низкой степени интенсификации были проведены три парных теста; с учетом того, что в отношении распределения предметных и непроцессуальных объектов данные (количество случаев использования в речи индивидуальных участников) являются непараметрическими (значение Шапиро–Уилк $p < 0,05$), для проверки различий был использован ранговый коэффициент Уилкоксона, в отношении процессуальных объектов – коэффициент Стьюдента. На рис. 3–5 приведены распределение трех типов объектов, используемых с двумя (полюсными) проявлениями интенсивности (на оси ординат обозначено количество случаев их встречаемости у индивидуальных участников эксперимента).



Рис. 3. Распределение предметных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Как видно из рис. 3, предметные объекты значительно чаще используются с указанием высокой степени выраженности в них качественного признака. Это можно проиллюстрировать примерами *абсолютно все, паранойя, максимум, полностью все, апокалипсис* и другие, которые демонстрируют разные возможности гибридизации характеристик, но с присутствием предметной. Тест Уилкоксона показал наличие значимых различий в индивидуальных показателях использования предметных объектов с высокой и низкой степенью интенсификации при $W(19) = 210$, $p < 0,001$. В отличие от предметных объектов, процессуальные объекты интенсификации демонстрируют достаточно сходное распределение в использовании интенсифицирующих значений (рис 4).

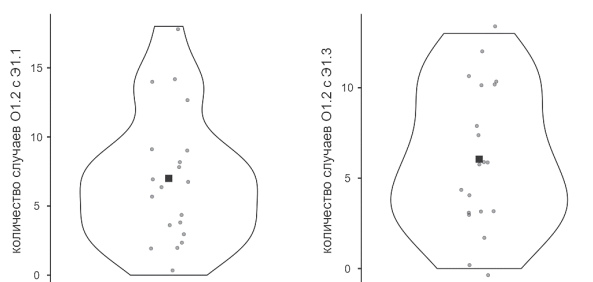


Рис. 4. Распределение процессуальных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Тест Стьюдента не показал значимых различий при $t(19) = 0,758$, $p = 0,458$. Приведем некоторые примеры, демонстрирующие это: *покайфовал, очень сомневаюсь, офигеть, лезем (в науку)*, обнаруживающие высокую степень интенсификации качества, и *просто устал, мини-конфликт, только реагировать, просто генерирую*, обнаруживающие низкую степень.

Распределение непроцессуальных объектов интенсификации сходно с распределением предметных объектов. Как видно из рис. 5, эти объекты значительно чаще используются с указанием на высокую степень интенсификации их качественных характеристик.

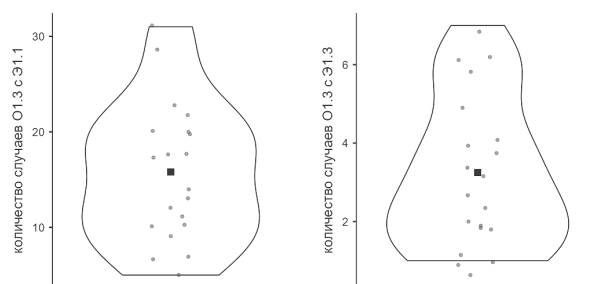


Рис. 5. Распределение непроцессуальных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Тест Уилкоксона показал наличие значимых различий в показателях при $W(19) = 210$, $p < 0,001$. Так, примеры *очень сильная, очень случайно, максимально тупая, сильно массово* иллюстрируют высокую степень интенсификации качества, а *такая небольшая, просто интересно, никаких* (вариантов) – низкую.

Таким образом, значительно чаще интенсификации подвергаются объекты непроцессуального и предметного характера; при этом и те и другие чаще получают указание как демонстрирующие высокую степень интенсификации. Процессуальные объекты подвергаются интенсификации реже, и они интенсифицируются с разной степенью. Полученные данные свидетельствуют том, что интенсивность как когнитивная категория разграничивает в дискурсе номинативные и предикативные объекты, где первые чаще получают интенсификацию высокой степени, а вторые могут интенсифицироваться как с высокой, так и с низкой степенью.

Семиотическое измерение интенсивности представлено двумя возможностями ее реализации в семантике слова и выражения, а именно как основного значения слова и как контекстуально обусловленного. Приведем в табл. 4 результаты индивидуальных показателей использования двух указанных значений.

Таблица 4
Распределение индивидуальных показателей в семиотическом измерении интенсивности

Показатель	C1.1	C1.2
Среднее	33,3	20,4
Медиана	32	18,5
Стандартное отклонение	12,9	8,78
Минимум	18	7
Максимум	69	46

Как показал анализ, в рассмотренном материале существенно больше случаев реализации интенсифицирующего значения как основного значения слова (665 случаев, 62% всех рассмотренных примеров), однако при этом достаточно частыми оказываются и случаи реализации контекстуально обусловленных значений, что позволяет сделать вывод о широких возможностях интенсификации в семантике спонтанного диалога, по крайней мере, экспозиторного характера. Можно предположить, что частотность реализации интенсифицирующего значения слова связана с проявлением экспрессивности, эмоциональности и языкового творчества говорящего в диалоге, в котором участники вынуждены представлять и отстаивать свою позицию.

В целом, анализ и его результаты демонстрируют возможность и продуктивность изучения категории интенсивности как когнитивной и модусной в составе трех измерений, описывающих ряд характеристик:

- в составе эпистемологического измерения: степень проявления интенсивности (высокая, средняя и низкая) и основание интенсификации, описывающее степень спаянности количественного и качественного значений категории;
- в составе онтологического измерения: тип объекта интенсификации;
- в составе семиотического измерения: тип интенсифицирующего значения в языковой семантике как основного или контекстуально обусловленного значения.

Анализ позволил установить особенности распределения данных характеристик интенсивности в устном спонтанном экспозиторном диалоге. Такими особенностями являются: 1) большая индивидуальная вариативность в конструировании объектов интенсификации, степени и основания интенсификации, типов интенсифицирующих значений в языке; 2) высокий эмоционально-экспрессивный потенциал категории, проявляющийся в преобладании высокой степени интенсивности и спаянности количественно-качественных значений; 3) различия в интенсификации разных объектов, проявляющиеся в разграничении, с одной стороны, предметных и непроцессуальных объектов и, с другой стороны, процессуальных объектов, подвергающихся интенсификации в разной степени.

Заключение

Проведенное исследование структуры и особенностей функционирования категории интенсивности в

устном спонтанном экспозиторном диалоге на русском языке позволило сформулировать ряд выводов. Во-первых, категория проявляет себя в трех измерениях: эпистемологическом, онтологическом и семиотическом, и в каждом из этих измерений отмечаются ее специфические характеристики.

В качестве значимых эпистемологических характеристик выступают степень проявления интенсивности: высокая, которая преобладает, средняя и низкая, а также основание интенсификации, описывающее степень спаянности количественного и качественного значений категории, которая выше в интенсификаторах низкой и средней степени.

Установлено, что в спонтанном диалоге преобладает выражение высокой степени интенсивности (64% всех случаев), спаянность количественного и качественного значений категории проявляется в 40% случаев. Значимыми характеристиками варьирования выступают тип объекта интенсификации и степень его интенсификации.

Наибольшая частотность обнаружена у непроцессуальных объектов и предметных объектов (40 и 32%), которые значительно чаще используются с интенсификаторами высокой степени, в то время как процессуальные объекты не демонстрируют такой особенности, часто употребляясь с интенсификаторами как высокой, так и низкой степени.

Таким образом, исследование позволило констатировать варьирование, проявляющееся в разграничении предметных и непроцессуальных объектов, с одной стороны, и процессуальных объектов, с другой стороны, как получающих разную степень интенсификации.

В качестве семиотической характеристики интенсивности рассмотрены способы ее реализации как основного значения слова или контекстуально обусловленного значения (отмечено в 38% случаев) нередко во многом благодаря эмоциональности и экспрессивности говорящих.

Также обнаружено, что использование категории интенсивности обнаруживает достаточно высокий уровень индивидуального варьирования в речи говорящих. Тем не менее наблюдения указывают на эмоционально-экспрессивный потенциал категории, специфике проявления качественно-количественных отношений, особенности интенсификации разных объектов в ситуации коммуникации.

Список источников

1. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
2. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The relative power of negativity: the influence of language intensity on perceived strength // Journal of language and social psychology. 2019. Vol. 38, Is. 2. P. 170–193.
3. Николаева Ю.В. К истории слова абсолютно в русском языке // Studi Slavistici. 2020. Вып. XVII (2). С. 199–211.
4. Мразек Р. Десигнаторы интенсификации действия в русском языке // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. 1964. Vol. 13 (12). P. 169–180.
5. Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2016. Вып. 15. С. 538–547.
6. Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. семинара «Диалог». М.: Наука, 2004. С. 292–297.
7. Подлеская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2009. Вып. 8(15). С. 390–395.
8. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. Вып. 3. С. 13–24.
9. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 10. С. 17–120.

10. Кубрякова Е.С. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 29–304.
11. Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М. : Издательство ВТИИ, 2004. 352 с.
12. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е.С. Кубряковой. М. : Институт языкознания РАН ; Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 157–171.
13. Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Роль когнитивного контекста в разрешении многозначности: опыт когнитивного моделирования // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 12. С. 624–635.
14. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М. : URSS, 2015. 380 с.
15. Киосе М.И. Наименование в тексте: прямое и не прямое. М. : Онтопринт, 2014. 323 с.
16. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / под ред. А.В. Бондарко. СПб. : МАКС Пресс, 2005. С. 150–166.
17. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / под ред. И.М. Богуславского, Л.Л. Иомдина, Л.П. Крысина. М. : ЯСК, 2011. С. 256–268.
18. Колесникова С.М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М. : Прометей, 2012. 294 с.
19. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 252 с.
20. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. Вып. 1 (34). С. 5–13.
21. Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. 7. С. 13–18.
22. Longacre R.E. The grammar of discourse. New York : Plenum Press, 1983. 423 p.
23. Iriskhanova O.K., Kiöse M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment // Lecture Notes in Computer Science (LNAI 14338). 2023. P. 350–363.
24. Киосе М.И. Выработка общей позиции в экспозиторном коллаборативном диалоге: исследовательская модель // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58), ч. 1. С. 530–534.
25. Активный словарь русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : ЯСК, 2014. Т. 2.
26. Идеографический словарь русского языка / под ред. О.С. Баранова. М. : И ЭТЦ, 1995. URL: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/>

References

1. Turanskiy, I.I. (1990) *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [The Semantic Category of Intensity in English]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Liebrecht, Ch., Hustinx, L. & van Mulken, M. (2019) The relative power of negativity: the influence of language intensity on perceived strength. *Journal of Language and Social Psychology*. 38 (2). pp. 170–193.
3. Nikolayeva, Yu.V. (2020) K istorii slova absolyutno v russkom yazyke [On the History of the Word absolyutno in the Russian Language]. *Studi Slavistici*. XVII (2). pp. 199–211.
4. Mrázek, R. (1964) Designatory intenzifikace děje v ruštině [Designators of Action Intensification in Russian]. *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*. 13 (12). pp. 169–180.
5. Sharonov, I.A. (2016) Diskursivnye slova i kommunikativy [Discourse Words and Communicatives]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"]. 15. pp. 538–547.
6. Kobozeva, I.M. & Zakharov, L.M. (2004) Dlya chego nuzhen zvuchashchiy slovar' diskursivnykh slov russkogo yazyka [What is a Sound Dictionary of Russian Discourse Words For?]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: trudy mezhdunar. seminara "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Workshop "Dialogue"]. Moscow: Nauka. pp. 292–297.
7. Podlesskaya, V.I. & Kibrik, A.A. (2009) Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discourse Markers in the Structure of Oral Narrative: A Corpus Study Experience]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"]. 8 (15). pp. 390–395.
8. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'yekte obshchey otsenki [On the Object of General Assessment]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 13–24.
9. Boldyrev, N.N. (2012) Kategorial'naya sistema yazyka [The Categorical System of Language]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 10. pp. 17–120.
10. Kubryakova, E.S. (2004) Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy točki zreniya [On the Way to Gaining Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective]. In: *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 29–304.
11. Iriskhanova, O.K. (2004) *O lingvokreativnoy deyatel'nosti cheloveka: otgлагоl'nyye imena* [On Human Linguo-Creative Activity: Deverbal Nouns]. Moscow: Izdatel'stvo VTI.
12. Iriskhanova, O.K. (2009) O ponyatii kreativnosti i yego roli v metayazyke lingvisticheskikh opisaniy [On the Concept of Creativity and Its Role in the Metalanguage of Linguistic Descriptions]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Issue V. Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Tambov: TSU. pp. 157–171.
13. Zabol'tkina, V.I. & Boyarskaya, E.L. (2012) Rol' kognitivnogo konteksta v razreshenii mnogoznachnosti: opyt kognitivnogo modelirovaniya [The Role of Cognitive Context in Disambiguating Polysemy: An Experience in Cognitive Modeling]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 12. pp. 624–635.
14. Zykova, I.V. (2015) *Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya* [The Conceptosphere of Culture and Phraseology: Theory and Methods of Linguocultural Study]. Moscow: URSS.
15. Kiöse, M.I. (2014) *Naimenovaniye v tekste: pryamoye i ne pryamoye* [Nomination in Text: Direct and Indirect]. Moscow: Ontoprint.
16. Rodionova, S.E. (2005) Semantika intensivnosti i yeye vyrazheniye v sovremennom russkom yazyke [The Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevyye struktury* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. Saint Petersburg: MAKS Press. pp. 150–166.
17. Kustova, G.I. (2011) Slova so znacheniyem vysokoy stepeni: semanticheskiye modeli i semanticheskiye mekhanizmy (Magn'y-prilagatel'nyye) [Words with the Meaning of a High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms (Magn Adjectives)]. In: Boguslavsky, I.M., Iomdin, L.L. & Krysin, L.P. (eds) *Slovo i yazyk: sb. st. k 80-letiyu akad. Yu.D. Apre'syana* [Word and Language: Collection of Articles for the 80th Anniversary of Academician Yu.D. Apre'syan]. Moscow: YASK. pp. 256–268.
18. Kolesnikova, S.M. (2012) *Gradual'nost': sistemnyye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke* [Graduality: Systemic Connections and Relations in the Russian Language]. Moscow: Prometey.
19. Boldyrev, N.N. (2016) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow; Berlin: Direct-Media.
20. Boldyrev, N.N. (2013) Aktual'nyye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape [Current Tasks of Cognitive Linguistics at the Present Stage]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (34). pp. 5–13.

21. Kubryakova, E.S. (2010) O meste kognitivnoy lingvistiki sredi drugih nauk kognitivnogo tsikla i o yeye roli v issledovanii protsessov kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [On the Place of Cognitive Linguistics Among Other Cognitive Sciences and Its Role in the Study of the Processes of Categorization and Conceptualization of the World]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 7. pp. 13–18.
22. Longacre, R.E. (1983) *The Grammar of Discourse*. New York: Plenum Press.
23. Iriskhanova, O.K., Kiose, M.I., Leonteva, A.V., Agafonova, O.V. & Petrov, A.A. (2023) Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment. *Lecture Notes in Computer Science (LNAI 14338)*. pp. 350–363.
24. Kiose, M.I. (2024) Vyrabotka obshchey pozitsii v ekspozitornom kollaborativnom dialogue: issledovatel'skaya model' [Developing a Common Position in Expository Collaborative Dialogue: A Research Model]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* 2 (58) 1. pp. 530–534.
25. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow: YASK.
26. Baranov, O.S. (ed.) (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: IETS. [Online] Available from: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 05.07.2025).

Информация об авторах:

Киосе М.И. – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедиа и коммуникации Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: maria_kiose@mail.ru

Прокофьева О.Н. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, доцент кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: oliviaprok@gmail.com

Смирнова Е.Е. – младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: eva.buddaeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Kiose, Dr. Sci. (Philology), chief research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria_kiose@mail.ru

O.N. Prokofieva, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oliviaprok@gmail.com

E.E. Smirnova, junior research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: eva.buddaeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*